

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ Р.М.РИЛЬКЕ И ВОСТОК

Н.Х.АЛЬ-АББАСИ

Бакинский Государственный Университет

В плеяде современных австрийских и немецких писателей одного поколения, таких как Гофмансталь, Шницлер, Герман Бар, Стефан Цвейг, Франц Кафка, Верфель, Мейринг, Фюрнберг, Этон Эрвин Киш, Ф.К.Вайкопф и других, Райнер Мария Рильке занимает особое место. В Азербайджане, равно как и на всей территории бывших союзных республик, некогда входивших в состав СССР, любят и чтят его как одно из наиболее значительных явлений в мировой поэзии. Он оставил после себя сборники стихотворений, прозаические и драматургические произведения. На протяжении сложного и порою противоречивого пути Рильке выдвинул и обосновал целый ряд глубоких и оригинальных идей. Одной из них является концепция целостного социального бытия, опирающаяся как на «свежие» мысли, так и на устоявшиеся догматы философии времени. К тому же система целостного или единого социального бытия обусловлена специфическим освещением пространственных и временных форм и явилась органической частью лирики поэта.

Нам удалось установить, что на сегодняшний день существуют различные точки зрения в отношении установления истоков творчества Рильке. Один из известных исследователей его поэзии А.И.Неусыхин в книге «Рильке. Новые стихотворения» предполагает, что в лирике австрийского поэта (особенно в ранний период) ощущается влияние пантеизма, а в более поздней – Плотина [3, 426-427]. По мнению другого ученого Г.И.Ратгауза «можно назвать два главных литературно-философских истока «Дуинских элегий»: мудрость древних (египетская, эллинская – от досократиков до орфиков, мудрость Библии) и поздние гимны Гельдерлина» [3, 409]. Русские исследователи конца 60-х – начала 70-х годов И.Д.Рожанский, М.Л.Рудницкий, К.М.Азадовский, А.Г.Березина и некоторые другие в один голос отстаивают большое значение России, точнее, русского опыта в разработке вышеназванной концепции. Так, И.Рожанский напрямую указывает на «созвучие некоторых идей поэта с идеалами русских философов-славянофилов» [5, 25].

Нетрудно предположить, что указанные термины, происходящие от различных латинских корней, условны и, вероятно, могут быть признаны справедливыми лишь с ограниченно «европейской» точки зрения. В настоящей статье впервые будет предпринята попытка связать философию времени Рильке с восточными литературными традициями и исламским мировоззрением в целом.

Концепция единого бытия австрийского поэта опирается на целый ряд фундаментальных понятий. Прежде всего, это раскрытие языком поэзии сущности масштабной проблемы гармонии земли и космического пространства. По-

следнее характеризуется контрольными лексемами, типа *небо, облака, созвездия* и т.п. Поэт уверял, что луна и планеты во вселенной не являются пределом бытия, а, обладая иными формами, служат его продолжением, потому что есть, по его понятиям, «сверхчетное бытие». Однако, это уже мир невидимый и существующий лишь в воображении художника.

В седьмом стихотворении «Дуинских элегий» Рильке предполагает: «...только вымолишь вещь, она уже перемещается в Невидимое».

В седьмом стихотворении «Дуинских элегий» Рильке предполагает: «...только вымолишь вещь, она уже перемещается в Невидимое».

Ja, wo noch eins überstent,
Ein eins gebetetes Ding, ein gedientes
Hält es sich, so wie es sie,
Schon ins Unsichtbare hin.

Характерно, что, касаясь вопросов космогонии и выражая в них свои философские суждения о быстротечности времени, Рильке, как правило, комментировал соответствующие поэтические строки. Так, после завершения десяти стихов из упомянутого цикла, он написал два письма своему коллеге Витольду фон Гулевичу, в которых, в частности, замечал, что «у земли нет иного исхода, как становиться невидимой» [5, 306-307] или «все миры вселенной обрушиваются в невидимое, как в свою ближайшую более глубокую действительность. Благодаря людям этим миры, эти звезды бесчисленных галактик достигают своей ближайшей невидимой реализации» [5, 308].

По Рильке, невидимое – это и есть вышеуказанное «сверхчетное бытие, которое уже в следующей по хронологии элегии обозначается философским термином «Reiner raum» - «чистое пространство». Это понятие в свою очередь характеризуется как «Nirgends ohne Nicht» (дословно «Нигде без Нет»). Из текста восьмой элегии следует, что «чистое пространство» априори существует и вместе с тем реально отсутствует; оно скрыто за вещами и предметами и грезится лишь ребенку как самому чистому, до поры до времени безгрешному существу на земле.

В связи с заявленной темой настает время объясниться. Положения русских и европейских ученых, обозначенные в самом начале нашей работы, не претендуют на точность при определении корней вводимых в поэзию философских понятий А.М.Рильке. В действительности, «чистое пространство» могло быть почерпнуто австрийским поэтом исключительно из анналов восточной философии, так как данное понятие ближе всего подходит к буддийскому представлению о пустоте (обозначаемым термином «шунья»), а также к даосскому (от «дао» - «Великое Ничто»). Недаром же в свой сборник «Новые стихотворения» Рильке специально включает три сочинения, посвященные Будде.

Примечательно, что в книге «Афоризмы старого Китая» [1, 26-30] приводятся доказательства, отраженные в памятнике даосизма «Гуань-Инь-Цзы» относительно того факта, что «Великое Ничто» можно прочувствовать «тонкими струнами сердца», но нельзя узреть простому смертному. Сходной оказывается в данном случае и структура философского понятия, нашедшего свое отражение

в поэзии Рильке, а именно: пустота, по буддийским представлениям, может быть заполнена чутким сердцем незапятнанного существа.

Об этом и читаем у Рильке в подтексте восьмой элегии – эфемерность грез ребенка может оказаться и явью, ибо когда-то человек был причастен к «чистому пространству», потому так и манит его новая отчизна:

Nach der ersten Heimat
Ist ihm die zweite zwitterig und windig.

В некоторых стихотворениях Рильке («Высокие ели дышат хрипло», «Дом одинокий на краю села», «Лунная ночь» и др.) природа иногда как бы застывает. Перед нами засыпанные снегом дороги, на деревню опускается ночь, отраженная в свете луны и т.п. Но эти образы проскальзывают лишь на какое-то мгновение. У Рильке не наблюдается застылости литературных форм, следовательно, не просматривается и оканемелость художественно-изобразительных средств немецкого языка. Потому что в пространстве все время ощущается движение. Оно создается как поэтическими метафорами, так и часто сменяющимися друг друга глаголами движения («секунды с башен падают», «небольшими шагами идут часы»). А вместе со временем движется и изменяется пространство; с горьковским размахом разражается буря («Созерцатель»), по времени путешествует («бредет» в переводе с немецкого) мир в одиннадцатом сонете «Книге образов» Рильке.

В наши дни большинство азербайджанских философов склоняется к аналогичным выводам. В работах Юсифа Рустамова, Джахангира Мамедова и многих других можно встретить рассуждения о том, что время – это не единственная форма нашего человеческого представления, потому что любое явление познается и верно описывается лишь с признанием смежных существующих явлений. А совместность невозможна в одном времени. Все это пророчески представлено в поэтической системе Рильке, а с итогами и обобщениями в принципе согласны многие современные азербайджанские литературоведы, философы, историки.

Казахский исследователь Ш.А.Байдуалетова в одной из своих работ указала: «Понять модель мира Рильке, принцип ее конструирования, в том числе и пространственно-временную организацию лирики поэта, можно в том случае, если учитывать его убежденность в связи всего сущего. В одном из поздних стихотворений, - подтверждает ученый свою мысль конкретными примерами, - («Любой предмет вызывает»: Вникни, почувствуй!) поэт задает серию вопросов: Но кто вычислит итог?; «Что мы узнали с самого начала?»; «То, что предмет с другим предметом слит?» [2, 22].

К сожалению, приведенная Ш.Байдуалетовой цитата сопровождается только некоторыми стихотворными строками из сборников Рильке; серия поставленных ребром вопросов остается без надлежащего ответа. Мы попытаемся уяснить природу подобных обращений австрийского поэта к читателям. В России издавна самыми популярными на этот счет вопросами считались «Что делать?» и «Кто виноват?». Европейские художники слова, как правило, обыгрывали их в виде более утонченных и витиеватых фраз в духе символистов. А на востоке издревле было принято задавать вопросы именно в той тональности,

которая задана Рильке в стихотворении «Любой предмет взывает...». И чтобы это доказать, достаточно обратиться хотя бы к одному из самых авторитетных изданий восточной книги «Правхупаде» [6]. А уже более конкретно об этом можно прочесть в приложении к «Правхупаде» - монографии «Совершенные вопросы. Совершенные ответы» [7], которая переполнена вопросами, поставленными именно в указанной форме. Мы убеждены: даже если Рильке задавал подобные вопросы своему поколению невольно, то он не мог не руководствоваться в данном случае иноязычной формой и восточной тональностью.

Принцип конструирования собственной философской системы, в которой важную роль играла пространственно-временная организация, подвел Рильке к модели мира, в основе своей воссоединяющей землю и космос. По мнению поэта, преодолевая свою историческую судьбу, человек постепенно вырывается из временного плена и тем самым утверждает свою вневременную сущность, свою причастность мигу вечности. Таким образом, получается, что космос как таковой в лирическом представлении Рильке опредмечивается. Залог успешного поиска человеком счастья заключается в единстве земного и неземного, бренного и нетленного, иными словами, он активно осуществляется только в тесном контакте и единстве философских понятий «Я» и «Не-я».

В переводе Г.Ратгауза читаем:

Единое и внутри мировое
Пространство все связует. И во мне
Летают птицы. К дальней вышине
Хочу подняться, - и шумлю листвою.

А теперь вновь вернемся к истокам такой убежденности. В единстве понятий «Я» и «Не-я» заключено преодоление австрийским лириком противопоставления объекта (Не-я) и субъекта «Я». Противопоставленность этих философских понятий свойственна именно европейскому мышлению и противоречит восточному мировоззрению. По данному поводу Дайсецу Судзуки писал: «Запад мыслит антитезно... Дуализм в этом случае неизбежен. Рождение и смерть, начало и конец, созидание и разрушение – все это начинается здесь». И тут же ученый продолжает свою мысль: «Методология, выработанная острым восточным умом, диаметрально противоположна. Для людей Запада вещь либо существует, либо не существует. Утверждение, что она существует и одновременно с тем не существует, они считают невозможным. Они скажут, что раз мы рождены, то мы обречены на смерть. Восточный ум работает иначе: мы никогда не рождались и никогда не умрем. Нет рождения и смерти: нет начала и конца – вот, что такое восточный образ мышления» [8, 55].

Краткая историческая справка: «Дайсецу Судзуки (Suzuki) – 1870-1966 – японский философ, один из ведущих специалистов по дзен-буддизму. Член японской Академии Наук, почетный профессор философии университета Отаки в Киото» [4, 689]. Надеемся, что такие регалии личности дают веское основание к всецелому доверию.

Что же касается приведенной цитаты восточного философа, то прямая аналогия здесь налицо, так как страницей выше указано на существование в поэзии Рильке формулы «Нигде без Нет», объясняющей одновременное наличие и

отсутствие материального объекта. А если теоретические рассуждения Рильке перевести в план лирической поэзии, то тем более станет очевидной близость именно восточного образа мышления. Так, уже в первом стихотворении из цикла «Дуинские элегии» красной нитью проходит мысль о единстве царства живых и мертвых, когда «вечный поток» омывает обе обители:

... Ошибаются, впрочем, живые,
Слишком отчетливо смерть отличая от жизни,
Ангелы, слышал я, часто не знают и вовсе,
Где живые, где мертвые.
Вечный поток омывают оба царства,
И их он влечет за собою...
(Перевод В.Миклушевича)

Все вышеотмеченное говорит о тесной взаимосвязи пространственных форм и образов в лирике Рильке и о схожести этих понятий мышлению восточного человека. А при ближайшем рассмотрении оказывается, что такая же усложненность, приближенная к восточному мировоззрению, присутствует и во временных параметрах. В указанном письме к Витольду фон Гулевичу Рильке также писал: «Мы – здешние и нынешние – ни на минуту не удовлетворяемся временным миром и не связаны с ним; мы непрестанно уходим и уходим к жившим ранее, к нашим предкам, и к тем, кто, по-видимому, последует за нами» [5, 303-304].

Заметим, что философы, придерживающиеся догматов христианства, нередко проводят в своих работах идею о преодолении барьера между горными и дольными мирами. Рильке энергично выступал против такой трактовки и завершил свою мысль в том же письме следующим образом: «Итак, все формы здешнего не только следует принимать ограниченными во времени, но по мере наших сил переводить их в те высшие планы бытия, к которым мы сами причастны. Но не в *христианском смысле* (курсив наш), от которого я все более решительно ухожу, а в чисто земном» [5, 305].

Вдумаемся, к какой идее подводит нас Рильке? Логика приведенных рассуждений однозначно свидетельствует, что христианский смысл, от которого поэт сознательно отходит, должен быть противопоставлен иному миру, то есть мусульманскому. И яркое тому подтверждение – следующие творения, созданные им вслед за двумя упомянутыми письмами, где пропагандируется идея вечного круговорота в природе. Пространственно-временные рамки образуют небезысвестную рамочную композицию, в которой начало тематически смыкается с финалом. Так, в «Рыцаре» из «Книги образов» Рильке воскликнет: «Вся жизнь – карусель», а в стихотворении «По одной подруге» из цикла «Реквием» обосновывается понятие «кружащего столбами бытия». Есть необходимость напомнить, что идея вечного круговорота в природе и – глубже – в истории была ниспослана человечеству в священном Коране.

Все приведенные факты, непосредственно взятые из лирики Рильке разных лет, говорят о существенном влиянии восточного мировоззрения при разработке им сложной и актуальной до сих пор проблемы философии времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Афоризмы старого Китая. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
2. Байдуалетова Ш.А. Концепция единого бытия в поэзии Р.М.Рильке. Алма-Ата: Казахский государственный национальный университет имени Аль Фараби, 33 с.
3. Неусыхин А.И. Рильке. Новые стихотворения. Ч. II, М.: Наука, 1977, 543 с.
4. Новейший философский словарь. Минск, изд-во В.М. Скакун, 1998, 897 с.
5. Рожанский И.Д. Р.М.Рильке. В кн.: Рильке. Ворпсведе. Огюст Роден. М.: Искусство, 1971.
6. Сатсварупа дас Госвами. Правхупада. Человек святой. Его жизнь и наследие. Санкт-Петербург: Печатный двор, 1993, 507 с.
7. Совершенные вопросы. Совершенные ответы. Беседы Его Божественной милости А.Ч.Бхактиведанты Свами Прабхупады и Боба Коэна, сотрудника Корпуса Мира в Индии. М.: The Bhaktivedanta Book Trust. 1993, 125 с.
8. Судзуки Д.Т. Основы дзэн-буддизма // Дзэн-буддизм. Бишкек: МП «Одиссей». Главная редакция Кыргызской энциклопедии, 1993.

R.M.RİLKENİN ZAMAN FƏLSƏFƏSİ VƏ ŞƏRQ

N.X.ƏL-ABBASI

XÜLASƏ

Məqalədə Rilkenin yaradıcılığında oriyental mövzu təhlil edilir. Rilkenin «Duin elegiyaları», «Surətlər kitabı», «Müşahidəçi» şeirlərini, onun Şərq ədəbiyyatı nümunələrindən etdiyi tərcümələri təhlil edərkən müəllif Şərq dünyagörüşünün Avstriya ədəbiyyatının bu nümayəndəsinə təsirini dəlillərlə sübut edir.

THE PHILOSOPHY OF TIME BY R.M.RILKE AND THE EAST

N.Kh.AL-ABBASI

SUMMARY

In the paper the oriental theme in the creativity of R.M.Rilke is analysed. Analyzing such poems by R.M.Rilke as "Duinsky elegies", "The book of images", "Contemplator" as well as his translations of oriental literature patterns. The author proves the presence of oriental world vision influence on this representative of Austrian literature.